

Сергей Смирнов

ПОДВИГ МАЙОРА

Рассказ об одном герое

С. С. С МИРНОВ

ПОДВИГ МАЙОРА

РАССКАЗ ОБ ОДНОМ ГЕРОЕ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1975

К читателям этой книги

Дорогие ребята, в своей большой книге «Брестская крепость» я рассказал о подвигах и судьбах многих защитников крепости-героя над Бугом как живых, так и погибших. В этой же книжке рассказана история только одного участника обороны, ныне здравствующего, командира Восточного форта Брестской крепости Героя Советского Союза майора Петра Михайловича Гаврилова. Его роль в защите крепости очень велика. Его судьба необычайна, и он совершил подвиг выдающегося героизма.

Я надеюсь, что вы с интересом прочтёте о его жизни и борьбе.

Автор

В первые о героической обороне Брестской крепости мы узнали из захваченного на фронте в 1942 году немецкого документа — «Боевого донесения о занятии Брест-Литовска». В этом донесении устами нашего врага говорилось об удивительном мужестве и стойкости крепостного гарнизона.

Особое внимание немецкие офицеры, писавшие донесение, уделили защите так называемого Восточного форта крепости — небольшого земляного укрепления, состоящего из двух подковообразных валов, расположенных один внутри другого с круглым двором посередине.

По их словам, защитники Восточного форта оборонялись особенно долго и упорно и, выдерживая тяжёлый обстрел и бомбёжки, отбивали все атаки противника, нанося ему немалый урон. Как сообщили немцам пленные, небольшим гарнизоном форта командовал какой-то майор, решительный и смелый военачальник — главный организатор этой обороны. Когда после долгих боёв врагу удалось сломить сопротивление гарнизона и взять в плен оставшихся в живых защитников форта, гитлеровцы тщетно искали среди живых и мёртвых неизвестного майора, но найти не смогли. Пленные бойцы сказали, что майор в последнюю

минуту взорвал себя гранатой или застрелился, чтобы не попасть в руки врага.

Первое время мне не удавалось отыскать никого из участников обороны этого укрепления. Только зимой 1955 года, попав в районный центр Жабинку, в 25 километрах от Бреста, я встретился там с руководителем местной районной организации ДОСААФ лейтенантом запаса Яковом Ивановичем Коломийцем, который оказался одним из защитников Восточного форта.

Я подробно записал его воспоминания. Он рассказал очень много интересного о боях за Восточный форт. Здесь, в казематах, были собраны бойцы из разных частей и подразделений. Из них сформировали роты и взводы, закрепив за ними определённые участки обороны. Форт был превращён в настоящую маленькую крепость, защита которой была организована очень продуманно и чётко. В этом, по мнению Коломийца, была особая заслуга энергичного, опытного и бесстрашного майора, принявшего на себя командование гарнизоном.

Коломиец с увлечением рассказывал о майоре. По его словам, это был необычайно волевой человек, прекрасный организатор, испытанный боевой командир, который показывал бойцам пример мужества и стал подлинной душой всей этой обороны, стойко отражавшей натиск фашистов в течение многих дней.

Я спросил фамилию этого майора, но, к сожалению, Коломиец её забыл. Вспоминая, он сказал, что ему кажется, будто фамилия майора была Григорьев или что-то в этом роде.

К этому времени в моём распоряжении уже находился небольшой и пока ещё далеко не полный список командиров, сражавшихся в крепости, составленный мной со слов участников обороны, с которыми мне приходилось встречаться.

В списке было тогда сто или двести имён и среди них несколько майоров. Я стал называть их Я. И. Коломийцу, и, когда дошёл до фамилии бывшего командира 44-го стрелкового полка майора Гаврилова, Коломиец встрепенулся и уверенно сказал, что оборону Восточного форта возглавлял майор Гаврилов.

Я принялся с пристрастием допрашивать Коломийца: не ошибается ли он, точно ли вспомнилась ему эта фамилия. Коломиец твёрдо стоял на своём — там, в «подкове», его командиром был майор Гаврилов, и никто иной.

А в моих списках Гаврилов значился как погибший в первый день войны. Мне рассказывали, что в дом, где жил Гаврилов, попала бомба и майор погиб там со всей семьёй.

Сообщение Коломийца теперь опровергало это. Гаврилов не погиб, он-то и был тем самым майором из Восточного форта, о котором говорилось в немецком донесении.

Я спросил Коломийца, что случилось с Гавриловым в дальнейшем. И он ответил мне, что слышал, будто бы майор Гаврилов застрелился, чтобы не попасть в руки фашистов.

Так версия о гибели майора, которая содержалась в немецком документе, была теперь подтверждена и одним из защитников форта.

Во время той же поездки по Брестской области я приехал в небольшой городок Каменец, расположенный неподалёку от заповедного леса — Беловежской пуши. Там в районной поликлинике я встретился с врачом Николаем Ивановичем Вороновичем, который попал в плен и вместе с другими нашими военнопленными врачами лечил раненых бойцов и командиров в немецком лагере. Когда я спросил доктора Вороновича, кого из участников Брестской обороны ему пришлось лечить, он мне рассказал, что 23 июля 1941 года, то есть на тридцать второй день войны, гитлеровцы привезли в лагерный госпиталь только что захваченного в крепости майора. Пленный майор был в полной командирской форме, но вся одежда его превратилась в лохмотья, лицо было покрыто пороховой копотью и пылью и обросло бородой. Тяжело раненный, он находился в бессознательном состоянии и выглядел истощённым до крайности. Это был, в полном смысле слова, скелет, обтянутый кожей. Истощение дошло до такой степени, что пленный не мог даже сделать глотательного движения: у него не хватало на это сил, и врачам пришлось применить искусственное питание, чтобы спасти ему жизнь.

Немцы, которые взяли его в плен и привезли в лагерь, рассказали врачам, что этот человек, в чьём теле уже едва-едва теплилась жизнь, всего час назад, в одном из казематов крепости, в одиночку принял с ними бой: бросал гранаты, стрелял из пистолета и убил и ранил нескольких солдат. Они говорили об этом с невольным почтением, откровенно поражаясь силе духа советского командира, и было ясно, что только из уважения к его храбрости пленного оставили в живых.

После этого, по словам Вороновича, в течение нескольких дней из Бреста приезжали германские офицеры, которые хотели посмотреть на героя, проявившего такую удивительную стойкость, такую волю к борьбе с врагом.

Я спросил у доктора Вороновича фамилию этого майора, но, к сожалению, он её забыл. Тогда, как и в беседе Коломыйцем, я стал называть ему фамилии майоров из моего списка.

И вдруг Воронович сказал, что он теперь ясно вспомнил: фамилия пленного была Гаврилов.

О дальнейшей судьбе майора Гаврилова Н. И. Воронович ничего не знал, потому что спустя несколько дней после этих событий доктора перевели в другой лагерь.

Таким образом, я снова попал на след бывшего командира 44-го стрелкового полка, который в дни обороны крепости командовал защитниками Восточного форта. Видимо, вопреки всем слухам, он не застрелился и не погиб, а попал в гитлеровский плен, но уже значительно позже.

У меня появилась надежда, что Гаврилов мог остаться в живых и вернуться после войны из плена на Родину. Но, для того чтобы начать розыски, мне нужно было знать хотя бы его имя и отчество. Фамилия Гаврилов — чересчур распространённая: в списках Министерства обороны нашлись бы сотни однофамильцев героя Брестской крепости.

Я знал, что 44-й полк, которым командовал майор Гаврилов, входил в состав 42-й стрелковой дивизии. Я обратился в Генеральный штаб с просьбой проверить, не сохранились ли в военных архивах какие-либо старые списки командного состава этой дивизии. Спустя некоторое время удалось отыскать один из таких списков, и там я, как и ожидал, нашёл краткие сведения о майоре Гаврилове.

Оказалось, что зовут его Петром Михайловичем и родился он в 1900 году. Теперь можно было начинать поиски. Позвонив в Главное управление кадров Министерства обороны, я попросил найти учётную офицерскую карточку майора П. М. Гаврилова.

Прошла неделя, и мне сообщили, что карточка найдена. Я сейчас же приехал в министерство. С волнением взял я в руки эту потёртую старую карточку, заполненную уже выцветшими фиолетовыми чернилами, и прочёл: Пётр Михайлович Гаврилов служил в Красной Армии с 1918 года, участвовал в боях против Колчака, Деникина, против белых банд на Кавказе. В 1922 году вступил в ряды Коммунистической партии. После гражданской войны остался военным и долго жил в Краснодаре, командуя там различными воинскими подразделениями. Потом его послали на учёбу в Академию имени Фрунзе в Москву. Окончив её в 1939 году, он был назначен командиром 44-го стрелкового полка, с которым прошёл тяжёлые бои на финской войне, а два года спустя приехал в Брестскую крепость.

В самом конце карточки, уже другими, более свежими зелёными чернилами были приписаны три краткие строчки. Но это были самые важные и дорогие для меня строчки. В первой было написано: «Пленён в районе города Бреста 23 июля 1941 года», то есть действительно на тридцать второй день войны, как говорил мне доктор Воронович. Во второй строке значилось: «Освобождён из плена в мае 1945 года», а в самом низу стояло короткое примечание: «Красногвардейский райвоенкомат города Краснодара».

Итак, майор Гаврилов, к счастью, оказался жив, находился теперь в Краснодаре и состоял там на учёте в Красногвардейском райвоенкомате. Дальнейшие поиски уже не представляли трудностей.

Тотчас же написал я большое письмо майору Гаврилову. Я рассказывал, как мне пришлось искать его, писал, что, по моему мнению, там, в Брестской крепости, он совершил подвиг выдающегося героизма и я верю — недалеко то время, когда народ узнает об этом подвиге и Родина по достоинству оценит мужество и самоотверженность героя. Я сообщал, что в ближайшие дни выеду в Краснодар, чтобы встретиться с ним и записать его воспоминания.

Две недели спустя я приехал в Краснодар. На вокзале меня встречал Гаврилов. С любопытством вглядывался я в этого человека, о котором столько думал и которого так долго искал. Это был худощавый пожилой человек, с несколько измождённым широкоскулым лицом, казавшийся старше своих 55 лет. На нём была старенькая офицерская шинель и ушанка военного образца. Он сразу же повёз меня к себе — в маленький саманный домик на окраине Краснодара. Там нас радушно встретила его жена Мария Григорьевна.

В домике было чисто, аккуратно. Этот домик был построен руками самого Гаврилова и его жены. Гордостью их был большой и заботливо ухоженный виноградник, раскинувшийся около дома. И когда мы сели завтракать, на столе появилось молодое вино собственного изготовления, и, конечно, первый тост был провозглашён за героев Брестской крепости.

А потом мы в течение нескольких дней беседовали с Петром Михайловичем, и я записывал его воспоминания. Он рассказал мне всю историю своей интересной, но нелёгкой и сложной жизни.

Гаврилов происходил из казанских татар. Крестьянином-бедняком из бедной деревушки неподалёку от Казани был его отец. В нищете и темноте прошли детские годы Петра Гаврилова. Тяжёлая, трудная жизнь сызмала воспитывала в нём характер терпеливый, волевой, привыкший к борьбе с несчастиями и тяготами сурового крестьянского быта. Этот твёрдый, сильный характер пригодился ему, когда в 1918 году он пришёл

в Красную Армию. Он попал туда тёмным, неграмотным парнем, но зато принёс с собой железное упорство, умение настойчиво преодолевать трудности — качества, так необходимые военному.

Красная Армия дала ему не только военные знания и навыки — она научила его читать и писать, сделала его политически сознательным человеком. Он мужал и рос в боях с колчаковцами и деникинцами, в схватках с белобандитами в горах Северного Кавказа. Всё больше выявлялись волевые свойства его характера, смелость и мужество, его недюжинные организационные способности. И неудивительно, что вскоре после окончания гражданской войны Гаврилов стал коммунистом и красным командиром. Послевоенная служба его проходила на Северном Кавказе.

Гаврилов командовал там небольшими воинскими подразделениями, побывал за это время на нескольких командирских курсах, а потом ему предоставили возможность поступить в Военную академию имени Фрунзе — лучшую кузницу командиров Красной Армии.

Он вышел из академии майором и получил полк, с которым участвовал в боях с белофиннами зимой 1939 года, а потом эта часть была переброшена в Западную Белоруссию, в район Берёзы-Картузской.

Всего за два месяца до начала войны полк Гаврилова перевели в Брестскую крепость.

Гаврилов редко бывал дома — нелёгкая должность командира полка не оставляла ему свободного времени. Дотошный, как говорили, въедливый начальник, настойчиво и придирчиво вникающий во все мелочи жизни и быта своих подчинённых, он не давал спуска ни себе, ни другим.

Особым чутьём военного, к тому же находившегося на самой границе, Гаврилов угадывал приближение грозных событий.

Услышав первые взрывы на рассвете 22 июня 1941 года, Гаврилов сразу понял, что началась война. Быстро одевшись, он с пистолетом в руке побежал в центральную цитадель, где находился штаб полка и стояло боевое знамя: его надо было спасти в первую очередь. Гаврилову удалось перебежать мост через реку Мухавец. Мост уже обстреливали немецкие диверсанты. Он не помнил, как бежал среди взрывов по двору цитадели к своим казармам, где на втором этаже помещался штаб.

Но когда он добрался сюда, второй этаж был уже полуразрушен и охвачен огнём. Кто-то из солдат, узнав командира полка, доложил ему, что полковое знамя вынес один из штабных работников.

Тогда Гаврилов принялся собирать своих бойцов, чтобы вести их из крепости на рубеж обороны, назначенный полку. Сделать это было нелегко: в предрассветной полумгле по двору под обстрелом метались, бежали в разные стороны полурасдетые люди. Кое-как он собрал десятка два или три бойцов и повёл их перебежками к трёхарочным воротам и снова через мост к главному выходу из крепости. Но выход уже был закрыт — у туннеля северных ворот шёл бой. Немцы сомкнули кольцо вокруг крепости.

Здесь, у выхода, Гаврилов встретился со знакомым ему командиром, капитаном Константином Касаткиным. Касаткин командовал отдельным батальоном связи в той же 42-й дивизии. Батальон его стоял в нескольких километрах отсюда, и Касаткин, живший в крепости, приехал к семье на воскресенье. Теперь он был отрезан от своих бойцов.

На валах и перед воротами разрозненные группы наших стрелков вели перестрелку наседающими немецкими автоматчиками. Гаврилов с помощью Касаткина принялся организовывать тут правильную оборону.

Прибежавший боец доложил майору, что по соседству, в казематах восточной земляной «подковы», собралось несколько сот человек из разных полков, и Гаврилов с Касаткиным поспешили туда. Так они попали в Восточный форт.

В здании, которое стояло в центре «подковы», помещался 393-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. В ночь начала войны в казармах дивизиона оставалась только одна батарея, два зенитных орудия которой стояли неподалёку от форта, сразу же за внешним его валом. Командовал батареей какой-то старший лейтенант — он-то и поднял своих бойцов по тревоге. Но уже час спустя этот командир был убит, и зенитчиков возглавил начальник связи дивизиона лейтенант Андрей Домиенко и прибежавший сюда из 125-го полка лейтенант Яков Коломиец. Были вскрыты склады, людей вооружили винтовками, автоматами, гранатами, а на втором этаже казармы установили четырёхствольный зенитный пулемёт, который теперь мог держать под обстрелом вход в центральный двор «подковы».

Всё новые группы бойцов, прорвавшихся из цитадели, приходили в форт, и, когда Гаврилов и Касаткин около полудня появились здесь, в казарме и казематах собралось уже больше трёхсот человек.

Гаврилов, как старший по званию, принял над ними командование и начал формировать роты своего отряда, расставляя их в обороне и в самом Восточном форту и по соседству — на земляных валах крепости.

В Восточном форту Гаврилов поместил также свой командный пункт и при нём резерв отряда. Здесь же находился и штаб, начальником

которого стал капитан Касаткин. Отсюда шли боевые приказы ротам, отсюда то и дело посылали разведчиков и связных. Были проложены даже телефонные линии, соединявшие штаб с ротами, но обстрел и бомбёжки всё время нарушали эту связь, и вскоре телефон окончательно вышел из строя.

Заместителем Гаврилова по политической, части стал политрук Скрипник. Он тут же занялся учётом коммунистов и комсомольцев, организовал запись сводок Советского информбюро, которые принимал радист в казарме дивизиона. Ему же поручил Гаврилов заботу о раненых и женщинах с детьми, прибежавших сюда из соседних домов комсостава.

Женщин и детей поместили в наиболее безопасном убежище — солидных казематах внешнего вала форта. Тут же был и «госпиталь» — охапки соломы, сложенные в углу, на которые клали раненых. Военфельдшер Раиса Абакумова стала «главным врачом» этого «госпиталя», а жены командиров — её добровольными помощницами.

Весь первый день отряд Гаврилова удерживал свои позиции, отбивая атаки врага. В боях действовала даже артиллерия отряда — два зенитных орудия, стоявших около «подковы». В первой половине дня зенитчикам то и дело приходилось вступать в бой с немецкими танками, прорывавшимися в крепость через главные ворота, и каждый раз они отгоняли машины врага.

Молодой лейтенант, командовавший артиллеристами, был тяжело ранен во время перестрелки. Но уйти от орудий он отказался. Когда одному из танков удалось проскочить через ворота, началась огневая дуэль между ним и зенитчиками. Танк, маневрируя на дороге, бегло обстреливал зенитки, и одна пушка скоро была повреждена. Тогда, собрав последние силы, бледный, обескровленный лейтенант стал к орудию и сам повёл огонь прямой наводкой. Ему понадобилось всего два или три выстрела — танк был подбит, а пытавшихся удрать танкистов перестреляли из винтовок бойцы. Но и силы лейтенанта были исчерпаны. Он упал тут же, у орудия, и артиллеристы, подняв его, увидели, что он мёртв.

Гаврилов сейчас же приказал Касаткину написать на этого лейтенанта посмертное представление к званию Героя Советского Союза. К сожалению, как и все документы штаба, это представление уничтожили немцы, ворвавшиеся в форт, и фамилия героя-лейтенанта до сих пор остаётся неизвестной.

Немцы утащили на буксире подбитый танк, а потом прилетели их самолёты, и началась очередная бомбёжка Восточного форта. Одна из бомб попала в окоп, где хранился запас снарядов для зенитных орудий, и этот небольшой склад взлетел на воздух. Оставшееся орудие больше не могло стрелять.

На второй день положение усложнилось. Противник отрезал бойцов Гаврилова от других частей крепостного гарнизона. Теперь весь отряд был сосредоточен в Восточном форту, а сам форт окружён вражеским кольцом. Немцы начали осаду. Все попытки фашистских автоматчиков ворваться в центральный двор «подковы» были бесплодными. Бойцы неусыпно дежурили у четырёхствольного пулемёта в казарме. Автоматчиков нарочно подпускали поближе — до середины двора. И когда они уже беспорядочной толпой, с криками поднимались в свой последний бросок к казарме, пулемётчики открывали огонь. Двор сразу словно выметало свинцовой метлой. Под страшным огнём этого пулемёта немногим гитлеровцам удавалось удрать обратно, и двор форта был сплошь усеян трупами в зелёных мундирах.

Несколько раз сюда подходили танки. Тогда Гаврилов вызывал добровольцев, и те со связками гранат в руках ползли вдоль подножия вала навстречу машинам. После того как один танк был подбит во дворе, немецкие танкисты уже не отваживались заезжать сюда и лишь вели обстрел издали. Но обстрел из танков и орудий не приносил врагу успеха. И немцы стали всё чаще посылать свои самолёты против этой маленькой земляной «подковы», где так прочно засела горсточка советских воинов.

День ото дня усиливался артиллерийский обстрел, всё более жестокими становились бомбёжки. А в форту кончились запасы пищи, не было воды, люди выходили из строя.

Противник наседал. Время от времени автоматчики врывались на гребень внешней насыпи и кидали оттуда гранаты в узкий подковообразный дворик форта, зажатый между валами. С трудом немцев выбивали обратно. Потом начались дымовые атаки, и враг пустил в ход даже бомбы со слезоточивым газом. Едкие клубы заволакивали весь двор, наполняли казематы. К счастью, в складах форта были противогазы, и люди, порой часами не снимая масок, продолжали отстреливаться и отбиваться гранатами.

А потом наступило воскресенье 29 июня, и гитлеровцы предъявили защитникам Восточного форта ультиматум — в течение часа выдать Гаврилова и сложить оружие. В противном случае немецкое командование угрожало смести укрепление с лица земли вместе с его упорным гарнизоном.

Наступило часовое затишье. И тогда Гаврилов созвал бойцов и командиров на открытое партийное собрание.

В тесном полутёмном каземате собрались не только коммунисты — сюда пришли все, и только дежурные пулемётчики и наблюдатели остались на постах на случай внезапной атаки врага.

Гаврилов объяснил людям обстановку и задал коммунистам вопрос:

— Что будем делать?

Все разом зашумели, заговорили, и майору уже по их лицам стал ясен ответ товарищей:

— Будем драться до конца!

Это не было обычное собрание, это был их последний митинг, взволнованный и единодушный. А когда Скрипник объявил приём в партию, люди бросились искать бумагу. Короткие горячие заявления писали на обрывках, на кусках старых газет, даже на обороте немецких листовок, призывавших сдаваться в плен. В этот час, когда наступало последнее, самое трудное испытание, когда впереди были смерть или вражеская неволя, люди хотели идти в свой смертный бой коммунистами. И тут же десятки беспартийных были приняты в ряды партии.

Они не успели даже спеть «Интернационал» — время кончилось, в форту загремели взрывы снарядов. Враг шёл в решительную атаку. Все заняли свои места у амбразур.

Но сначала появились самолёты. Они летели низко, один за другим, и первый сбросил над фортом ракету, указывая цель остальным. Дождём посыпались бомбы, на этот раз самые крупные.

Гулкие, тяжёлые взрывы громовыми раскатами непрерывно грохотали вокруг, прочные кирпичные своды казематов ходили ходуном над головами людей. Там и здесь происходили обвалы, и бойцы гибли, засыпанные земляной массой осевшего вала. Это продолжалось долго, но никто не мог бы сказать, сколько времени прошло, — слишком были напряжены нервы людей. А потом сразу, за последними разрывами бомб, раздались крики автоматчиков, ворвавшихся на внешний вал, загремели гранаты во дворике, а в центральный двор «подковы» толпой ворвались солдаты врага. И уже не слышалось очередей четырёхствольного пулемёта — он был уничтожен во время бомбёжки.

В этот день и на следующее утро в рукопашных боях сопротивление защитников Восточного форта было окончательно сломлено, и те, кто уцелел, оказались в плену. Автоматчики обшаривали один каземат за другим — искали Гаврилова. Немецкие офицеры настойчиво допрашивали пленных об их командире, но никто о нём ничего не знал. Некоторые видели, как майор уже в конце боя вбежал в каземат, откуда тотчас же раздался выстрел. «Майор застрелился», — говорили одни. Другие уверяли, что он взорвал себя связкой гранат. Как бы то ни было,

найти Гаврилова не удалось, и немцы пришли к заключению, что он покончил с собой.

Гаврилов не взорвал себя гранатой и не застрелился. Он был застигнут автоматчиками в тёмном каземате внутри вала, где последнее время находился его командный пункт. Майор был вдвоём с бойцом-пограничником, который все дни обороны исполнял обязанности адъютанта и порученца командира. Они оказались отрезанными от остального гарнизона и, перебегая из одного помещения в другое, бросали вседающих гитлеровцев свои последние гранаты и отстреливались последними патронами. Но вскоре стало очевидно, что сопротивление гарнизона сломлено и немцы уже овладели почти всем фортом. Боеприпасов у Гаврилова и пограничника осталось совсем мало, и командир с бойцом решили попробовать спрятаться, чтобы потом, когда немцы уйдут из форта, выбраться из крепости и идти на северо-восток, в Беловежскую пуцу, где, как они надеялись, уже, наверное, действуют наши партизаны.

К счастью, им удалось найти надёжное убежище. Как-то, ещё в самом начале боёв за форт, его защитники по приказанию майора пытались прорыть проход сквозь толщу вала. В кирпичной стене каземата была пробита дыра, и несколько бойцов поочерёдно стали прокапывать в валу небольшой туннель.

Работы пришлось вскоре прекратить — вал оказался песчаным и песок всё время осыпался, заваливая проход. Но остались дыра в стене и глубокая нора, идущая в глубь вала. В эту нору и забрались Гаврилов и пограничник в то время, как уже совсем рядом слышались голоса гитлеровцев, обшаривавших соседние помещения.

Оказавшись в узком проходе, майор и пограничник начали руками прокапывать себе путь. Сыпучий песок легко поддавался, и они постепенно стали продвигаться вперёд по ту сторону кирпичной стены каземата, отходя всё дальше от пробитой в нём дыры, причём Гаврилов копал влево, а пограничник— вправо. Они работали с лихорадочной быстротой и, подобно кротам, отбрасывали за спину вырытый песок, засыпая за собой путь. Прошло около получаса, прежде чем в каземат вошли солдаты противника, а за это время командир и боец успели уйти каждый на два-три метра в сторону от дыры, пробитой в кирпичах.

Сквозь стену Гаврилов ясно слышал, как немцы переговариваются, обыскивая каземат. Он притаился, стараясь ни одним движением не выдать себя. Видимо, автоматчики заметили отверстие в стене — кто-то из них дал туда очередь. Потом они несколько минут стояли, прислушиваясь, и, убедившись, что там никого нет, пошли осматривать другие казематы.

Гаврилов провёл в своей песчаной норе несколько суток. Ни один лучик света не проникал сюда, и он не знал даже, день или ночь сейчас на воле. Голод и жажда становились всё более мучительными. Как ни пытался он растянуть два сухаря, оказавшиеся у него в кармане, они кончились. Жажду он научился немного успокаивать, прикладывая язык к кирпичам стены каземата. Кирпичи были холодными, и ему казалось, что на них осела подземная влага. Сон помогал забыть о голоде и жажде, но спал он урывками, опасаясь выдать себя во сне неосторожным движением или стоном. Враги ещё были в форту — их голоса слышались то дальше, то ближе, и раза два солдаты заходили в этот каземат.

Он не знал, жив ли его товарищ-пограничник, отделённый от него слоем песка в несколько метров толщиной. Он боялся окликнуть его даже шёпотом — фашисты могли оказаться поблизости. Малейшей неосторожностью он мог испортить всё. Теперь важно было только одно — выждать, пока гитлеровцы уйдут. Лишь в этом были спасение и возможность снова продолжать борьбу. Мучимый голодом и жаждой в этой подземной норе, он ни на минуту не забывал о борьбе и не раз заботливо ощупывал в кармане несколько оставшихся гранат и пистолет с последней обоймой.

Голоса немцев слышались всё реже, и наконец всё вокруг, казалось, затихло. Гаврилов уже решил, что наступило время выходить, как вдруг над его головой, на гребне вала, затрещал пулемёт. И по звуку

выстрелов он безошибочно определил, что это советский ручной пулемёт Дегтярёва.

Кто стрелял из него — наши или немцы? Несколько часов он пролежал, мучительно думая об этом. А пулемёт время от времени посылал короткую, скупую очередь. Чувствовалось, что пулемётчик экономит боеприпасы, и это вселило в Гаврилова смутные надежды. Зачем было бы немцам беречь патроны?

Наконец он решился и шёпотом окликнул пограничника. Тот отозвался. Они вылезли в тёмный каземат и прежде всего напились из вырытого тут колодца грязной, затхлой воды. Потом с гранатами наготове осторожно выглянули в узкий дворик. Стояла ночь. Чьи-то негромкие голоса доносились сверху. Это была русская речь.

На валу оказались двенадцать бойцов с тремя ручными пулемётами. Как и Гаврилову, им удалось укрыться в одном из казематов, когда форт был захвачен, а после ухода автоматчиков они вышли и снова заняли оборону. Днём они прятались в каземате, а ночью вели огонь по одиночным солдатам противника, появлявшимся поблизости. Гитлеровцы полагали, что в форту никого не осталось, и пока не успели обнаружить, что именно оттуда раздаются пулемётные очереди, тем более что вокруг повсюду ещё шла перестрелка.

Ещё били пулемёты около внешних валов крепости, стреляли в районе домов комсостава, и то затихающая, то возобновляющаяся пальба вперемежку со взрывами мин и снарядов доносилась с Центрального острова.

Гаврилов решил попытаться вывести эту группу в Беловежскую пущу. Но для этого надо было пока что не обнаруживать себя. Вокруг крепости ещё стояло много войск врага, и сейчас выбраться за валы было невозможно даже ночью. Оставалось ждать, но при этом быть готовыми в любой момент принять бой, если фашисты снова придут в форт.

Днём на валу оставляли только наблюдателя, а ночью наверх поднимались все и, если представлялся удобный случай, вели огонь. Так прошло несколько дней. Бои не затихали, поблизости по-прежнему то и дело появлялись группы немецких солдат, и выйти из крепости всё ещё было нельзя. Защитникам форта уже нечего было есть. Небольшой запас сухарей, оказавшийся у бойцов, кончился. Люди теряли последние силы. Гаврилов уже подумывал о том, чтобы сделать отчаянную попытку прорыва, но внезапные события нарушили все его планы.

Наблюдатель не заметил, как группа автоматчиков днём зачем-то пришла в форт. Здесь они и обнаружили советских бойцов. Гаврилов дремал в углу каземата, когда рядом во дворике послышались крики:

«Рус, сдавайся!» — и гроыхнули взрывы гранат. Автоматчиков было немного, и почти всех тут же перебили, но нескольким солдатам удалось удрать, и час спустя «подкова» снова была окружена.

Первые атаки были отбиты. Но гитлеровцы подтащили сюда орудия и миномёты, и вскоре среди немногочисленных защитников форта появились раненые и убитые. А затем последовала атака одновременно со всех сторон, и враг одолел числом — автоматчики взобрались на вал и забросали двор гранатами.

И снова пришлось укрываться в той же норе. Только теперь они забрались в неё втроем — Гаврилов, пограничник и ещё один боец.

Наступила ночь, и фашисты не решились в темноте обыскивать казематы. Но Гаврилов понимал, что утром они обшарят форт сверху донизу и на этот раз, возможно, обнаружат их убежище. Надо было предпринимать что-то теперь же, ночью, не откладывая.

Они посоветовались и осторожно выползли в каземат. Здесь никого не было. Не было гитлеровцев и во внутреннем дворике. Но когда они ползком пробрались к выходу из форта, то увидели, что совсем близко горят костры, вокруг которых сидят солдаты. Противник в ожидании рассвета кольцом окружил форт, чтобы на этот раз не выпустить ни одного из его защитников.

Надо было прорываться с боем. Решили, что по команде Гаврилова каждый бросит по одной гранате в сидящих у костров немцев и все трое тотчас же кинутся бежать в разные стороны: пограничник — на юг, к домам комсостава, боец — на восток, к внешнему валу, а Гаврилов — на запад, в сторону дороги, ведущей от северных ворот на Центральный остров. Его направление было самым опасным, так как по этой дороге часто ходили и ездили гитлеровцы.

Они обнялись и договорились, что тот, кому посчастливится остаться в живых, будет пробираться в заветную Беловежскую пущу.

Потом Гаврилов шёпотом скомандовал: «Огонь!» — и они метнули гранаты.

Гаврилов не помнил, как пробежал линию постов. В памяти остались только грохот гранатных разрывов, вопли солдат, вспыхнувшая вокруг стрельба, свист пуль над головой и глубокая темнота ночи, сразу сгустившаяся перед глазами после яркого света костров. Он бежал изо всех сил, сжимая в руках вторую гранату и пистолет, бежал, не чуя под собой ног, и слышал за спиной крики, выстрелы и топот сапог. Он опомнился, когда пересек дорогу, на счастье оказавшись в этот момент пустынной. Лишь тогда он на секунду приостановился и перевёл дух. И тотчас же над его головой просвистела пулемётная очередь.

Это стрелял какой-то советский пулемётчик из укрепления по ту сторону дороги. Привлечённый криками и стрельбой, он начал бить

длинными очередями, целясь, видимо, по огню костров. Гаврилову пришлось упасть ничком у стены полуразрушенного дома, чтобы не угодить под пули. Но пулемётчик невольно спас его: фашисты, бежавшие за майором, попали под огонь, — Гаврилов слышал, как они, что-то крича, побежали обратно.

Прошло с четверть часа, и всё стихло. Тогда Гаврилов, прижимаясь к земле, пополз в сторону внешнего вала крепости, постепенно удаляясь от дороги.

Ночь была непроглядно тёмной, и он почти наткнулся на стену. Это была кирпичная стена одного из казематов внешнего вала крепости. Он нащупал дверь и вошёл внутрь.

Целый час он ходил по пустому помещению, ощупывая ослизлые стены, пока наконец догадался, где находится. Здесь перед войной были конюшни. Теперь он понял, что попал на северо-западный участок крепости, и это обрадовало его — отсюда было ближе добираться до Беловежской пуши.

Он выбрался наружу и осторожно переполз через вал на берег обводного канала. На востоке уже светлело небо, занималась заря. Он лёг на живот и долго пил стоячую воду из канала. Потом вошёл в канал и двинулся на тот берег.

И вдруг оттуда, из темноты, донеслась немецкая речь. Гаврилов застыл на месте, всматриваясь вперёд.

Постепенно он стал различать тёмные очертания палаток на том берегу.

Потом там вспыхнула спичка и малиновым огоньком затлела папироса. Прямо против него вдоль канала раскинулся лагерь какой-то немецкой части.

Он бесшумно вылез назад, на свой берег, и отполз к валу. Здесь была маленькая дверь, и, войдя в неё, он попал в узкий угловой каземат с двумя бойницами, глядевшими в разные стороны. Коридор тянулся из каземата дальше в глубь вала. Он пошёл по этому коридору и снова оказался в помещении конюшни.

Заметно светало. Надо было найти надёжное убежище на день, и Гаврилов, подумав, решил, что лучше всего укрыться в маленьком угловом каземате. Стены его были толстыми, а две бойницы, выходящие в разные стороны, могли пригодиться, если бы гитлеровцы обнаружили его, — из них он мог отстреливаться, держа в поле своего зрения большой участок канала.

Он снова обследовал этот каземат, и только одно обстоятельство смутило его — там негде было спрятаться, и стоило немцам заглянуть в дверь, его немедленно обнаружили бы.

И тогда он вспомнил, что у самой двери каземата, на берегу канала, свалены кучи навоза — его выносили сюда, когда чистили конюшни. Он торопливо принялся таскать этот навоз охапками и сваливать его в углу каземата. Прежде чем рассвело, его убежище было готово. Он зарылся в эту грудку навоза, завалил себя снаружи и проделал небольшую щель для наблюдения. Под руки он положил оставшиеся пять гранат и два пистолета — немецкий и наш «ТТ», каждый с полной обоймой.

Весь следующий день он пролежал тут. Солдаты противника ходили совсем рядом, они что-то делали на берегу канала, переговаривались, а один раз несколько человек прошли через его каземат и конюшню. Гаврилов держал наготове пистолет, но они не обратили внимания на сваленный в углу навоз.

Ночью он снова вышел на берег канала и напился. На том берегу по-прежнему темнели немецкие палатки и слышались голоса солдат. Но он решил ждать, пока они не уйдут.

Стрельба в крепости мало-помалу затихала; судя по всему, противник подавлял один за другим последние очаги сопротивления.

Три дня Гаврилов провёл без пищи. Потом голод стал таким острым, что терпеть дольше было невозможно. И он подумал, что где-нибудь рядом с конюшней должен быть цейхгауз, где хранился фураж, — там могли остаться ячмень или овёс.

Он долго шарил по конюшне, пока руки его не нащупали сваленные в одном из углов каземата какие-то твёрдые комки. Он откусил и почувствовал вкус чего-то съедобного.

Это был комбикорм для коней — смесь каких-то зёрен, мякины, соломы... Во всяком случае, это утоляло голод и даже казалось вкусным. Теперь он был обеспечен пищей и готов ждать сколько понадобится, пока не сможет бежать в Беловежскую пущу.

Дней пять всё шло хорошо: он ел комбикорм, а ночью пил воду из канала. Но на шестой день началась острая резь в желудке, которая с каждым часом усиливалась, причиняя невыносимые страдания. Весь этот день и всю ночь он, кусая губы, удерживался от стога, чтобы не выдать себя, а потом наступило странное полузабытьё, и он потерял счёт времени. Когда он приходил в себя, то чувствовал страшную слабость — он с трудом шевелил руками, но прежде всего нащупывал рядом с собой пистолеты и гранаты.

Видимо, его выдали стоны. Он внезапно очнулся оттого, что совсем рядом с ним раздались голоса. Через свою смотровую щель он увидел двух автоматчиков, стоявших около груды навоза, под которой он лежал.

Как только Гаврилов увидел врагов, силы снова вернулись к нему, он нащупал немецкий пистолет и перевёл предохранитель.

Немцы, казалось, услышали его движение и принялись ногами разбрасывать навоз. Тогда он приподнял пистолет и с трудом нажал на спуск. Пистолет был автоматический — раздалась громкая очередь, — он невольно выпустил всю обойму. Послышался пронзительный крик, и, стуча сапогами, немцы побежали к выходу.

Собрав все силы, Гаврилов встал. Он понял, что сейчас примет свой последний бой с врагами, и приготовился встретить смерть, как положено солдату и коммунисту. Он положил рядом свои пять гранат и взял в руки пистолет — свой командирский «ТТ».

Немцы не заставили себя долго ждать. Прошло не более пяти минут, и по амбразурам каземата ударили немецкие пулемёты. Но обстрел снаружи не мог поразить его — бойницы были направлены так, что приходилось опасаться только рикошетной пули.

Потом донеслись крики: «Рус, сдавайся!» Он догадался, что солдаты приближаются к каземату, осторожно пробираясь вдоль подножия вала. Гаврилов выждал, когда крики раздались совсем рядом, и одну за другой бросил две гранаты — в правую и левую амбразуры. Враги кинулись назад, и он услышал чьи-то протяжные стоны — гранаты явно не пропали даром.

Через полчаса атака повторилась, и, снова расчётливо выждав, он бросил ещё две гранаты. И опять гитлеровцы отступили, но зато у него осталась только одна, последняя граната и пистолет.

Противник изменил тактику. Гаврилов ждал нападения со стороны амбразур, но автоматная очередь прогремела за его спиной — один из автоматчиков показался в дверях. Тогда он метнул туда последнюю гранату. Солдат вскрикнул и упал. Другой солдат просунул автомат в амбразуру, и майор, подняв пистолет, дважды выстрелил в него. Дуло автомата исчезло. В этот момент что-то влетело в другую бойницу и ударило об пол — блеснуло пламя взрыва, и Гаврилов потерял сознание...

Несколько лет назад вместе с бывшими защитниками крепости, живущими сейчас в Москве, мне пришлось выступать перед работниками одного из крупных московских научно-исследовательских институтов. Речь шла о событиях Брестской обороны, и я рассказал им подробно историю подвига и пленения майора Гаврилова.

После того как участники обороны поделились своими воспоминаниями, председатель собрания предоставил слово научному сотруднику института инженеру Шануренко. Мы уже привыкли к тому, что в заключение таких встреч обязательно выступает кто-нибудь из слушателей, обращаясь к защитникам крепости со словами приветия и благодарности.

Однако выступление Шануренко было необычным, и с первых же его слов мы все насторожились.

— Я с особым волнением слушал рассказ о майоре Гаврилове, — сказал инженер. — Дело в том, что 23 июля 1941 года, когда Гаврилова взяли в плен и доставили в лагерь близ Бреста, я находился там среди наших пленных. Я помню, как немецкие солдаты пронесли мимо нас носилки, на которых лежал какой-то, словно высохший, весь чёрный, до предела истощённый человек в изодранной одежде командира. Он казался неживым, но нам объяснили, что этот командир только ранен и потерял сознание, а всего час назад он с необыкновенным упорством сражался в крепости один против десятка гитлеровцев.

Шануренко рассказал, что, после того как носилки унесли в госпитальный корпус лагеря, к пленным подошёл приехавший немецкий генерал и сказал:

— Сейчас в лагерь доставлен герой Красной Армии майор Гаврилов. Сражаясь в крепости, он показал высокую доблесть и мужество. Немецкое командование уважает героизм даже в противнике. Поэтому мы приказали поместить майора Гаврилова в отдельную комнату и доставлять ему пищу из нашей офицерской кухни.

Это свидетельство Шануренко было весьма интересным. Однако вся последующая история майора Гаврилова показывает, что красивые фразы гитлеровского генерала остались чистейшим лицемерием и позёрством.

Первое, что увидел Гаврилов, придя в себя, был штык немецкого часового, дежурившего у дверей комнаты. Он понял, что находится в плену, и от горького сознания этого снова лишился чувств.

Когда он окончательно очнулся, ему действительно принесли какой-то обед. Но он не мог глотать, и эта пища была ни к чему. Спасая его жизнь, наши пленные врачи стали применять искусственное питание.

Как только мысли Гаврилова прояснились, он первым делом подумал о своих документах. Успел ли он уничтожить их? Или они попали в руки фашистов и тогда враги знают, кто он такой?

Гаврилову припомнилось, что там, в каземате, уже полубреду, в моменты, когда сознание возвращалось к нему, он всё время думал о том, чтобы уничтожить свои Документы. Но сделал ли он это, вспомнить не удавалось.

Едва лишь силы вернулись к нему настолько, что он смог шевелить рукой, Гаврилов тотчас же ощупал нагрудный карман своей гимнастёрки. Документов при нём не было. И он решил, что на всякий случай назовёт вымышленное имя.

Через несколько дней пришли два немецких солдата. Его подняли с койки и потащили на допрос. В канцелярии лагеря его ждал какой-то эсэсовский оберштурмфюрер. Гаврилова усадили около стола. От слабости в глазах плыли радужные круги, и он едва удерживался на стуле.

— Фамилия? — спросил через переводчика эсэсовец.

— Галкин, — слабым голосом ответил пленный.

Офицер с силой стукнул кулаком по столу.

— Nein! Gavrilov! — закричал он угрожающе.

Стало ясно, что документы были захвачены гитлеровцами. Но Гаврилов решил отпираться до конца.

— Звание? — последовал новый вопрос.

— Лейтенант, — сказал Гаврилов. — Лейтенант Галкин.

— Nein! Major! — уже яростно заревел эсэсовец и, вскочив с кресла, ударил Гаврилова кулаком в лицо.

Так на деле выглядело то уважение к героизму противника, о котором так красиво распространялся немецкий генерал.

Гаврилов очнулся, когда солдаты поднимали его с пола. Видимо, эсэсовец решил не продолжать допроса. Пленного потащили назад, выволокли его во двор и вдруг поставили у стены дома, прислонив спиной к кирпичам.

«Конец!» — мелькнуло у него.

Он ждал выстрела, но вместо него услышал какое-то странное тихое щёлканье. С трудом он приподнял голову и взглянул. Против него с фотоаппаратом в руках стоял немецкий офицер. Его фотографировали.

Солдаты принесли Гаврилова в госпиталь и уложили на ту же койку. Больше его не допрашивали. Но Гаврилов понимал, что за него примутся, как только он немного поправится. Надо было постараться как-то, хоть ненадолго, исчезнуть из поля зрения лагерной администрации, чтобы немцы на время забыли о нем.

Сделать это помогли наши врачи Ю. В. Петров и И. К. Маховенко, лечившие Гаврилова. Они заявили, что пленный майор заболел тифом, и перевели его в тифозный барак, куда немцы боялись показываться. Там он провёл несколько недель, и за это время врачи успели подлечить его. А когда он начал ходить, те же Петров и Маховенко устроили его работать в одной из лагерных кухонь. Это означало для него жизнь: даже в условиях нищенского лагерного питания около кухни можно было подкормиться и восстановить свои силы.

Многие пленные в лагере знали о подвиге майора Гаврилова. К нему относились с уважением и нередко обращались с вопросами: «Что вы думаете о положении на фронтах?», «Выдержит ли Красная Армия натиск гитлеровцев?» И каждый раз он пользовался этим, чтобы побеседовать с людьми, доказать им, что успехи врага носят лишь временный характер и что победа Советского Союза в этой войне не подлежит сомнению. Эти беседы поднимали дух пленных, укрепляли их

веру в будущее торжество нашего дела, помогали им более стойко переносить тяготы и лишения лагерной жизни.

Так продолжалось до весны 1942 года. Потом лагерь около Бреста расформировали, и Гаврилов после скитаний по разным лагерям Польши и Германии вскоре оказался близ немецкого города Хаммельсбурга. Здесь гитлеровцы устроили большой офицерский лагерь, где содержались тысячи наших пленных командиров.

В Хаммельсбурге судьба свела Гаврилова с другим замечательным героем Великой Отечественной войны, нашим крупнейшим военным инженером, генерал-лейтенантом Дмитрием Карбышевым. Тяжело раненный Карбышев попал в фашистский плен ещё в 1941 году и держался в лагерях с поразительным достоинством и гордостью, презрительно отвергая все попытки врагов склонить его на свою сторону. Этот горячий патриот Родины подавал своим товарищам по плену пример поведения советского воина, неустанно внушал им мужество и стойкость в борьбе со всеми страшными испытаниями вражеской неволи.

Генералу не пришлось дожить до победы: он был зверски уничтожен гитлеровцами в лагере смерти Маутхаузене — эсэсовцы обливали его водой на морозе, пока он не превратился в ледяную глыбу.

Много раз там, в Хаммельсбурге, Гаврилов думал о побеге из плена. Но лагерь находился в глубине Германии и тщательно охранялся. К тому же Гаврилов всё время болел: его постоянно сваливала с ног тяжёлая малярия и остро сказывались последствия ранения и контузии — майор был полуглухим и почти не мог владеть правой рукой. Побег осуществить так и не удалось, и только накануне победы он был освобождён.

Все эти годы вражеской неволи Гаврилов вёл себя, как подобает коммунисту и советскому гражданину, и ничем не унизился перед врагом. И после освобождения он был тотчас же восстановлен в звании майора и служил в армии ещё год или полтора. А потом был уволен в отставку и уехал в Краснодар.

Вернувшись в Москву, я сообщил всё, что мне было известно о подвиге майора Гаврилова в Центральный Комитет партии и в Правительство.

А в январе 1957 года появился Указ Президиума Верховного Совета СССР За доблесть и мужество, за выдающийся подвиг при обороне Брестской крепости коммунисту Петру Михайловичу Гаврилову было присвоено звание Героя Советского Союза. И уже совсем неожиданной была для Гаврилова другая радость. Вместе с Золотой Звездой ему вручили не один, а сразу два ордена Ленина. Вторым орденом Ленина

правительство наградило его за долголетнюю безупречную службу в рядах Советской Армии.

Подвиг защитников Брестской крепости и имя одного из главных руководителей и героев этой славной обороны — майора Петра Гаврилова сейчас широко известны во всех уголках страны. В маленький домик на окраине Краснодара сотнями идут письма. Среди них множество приглашений. Из разных республик и городов, из различных военных округов страны приглашают Гаврилова приехать и выступить со своими воспоминаниями. Большую часть своего времени он находится в разъездах, и его друзья шутят, что он теперь, как знаменитый тенор, то и дело выезжает на гастроли. Он уже побывал на Дальнем Востоке и в Сибири, у моряков Балтики и у черноморцев, на Урале и в Ленинграде, на своей родине в Татарии и на Украине, во многих других местах.

Во время одной из таких поездок летом 1958 года, когда Гаврилов находился в Киеве, его догнало там новое радостное известие. Трудящиеся Майкопского сельского избирательного округа выдвинули его своим кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. И этот человек, так мужественно сражавшийся за свободу Отчизны, так много переживший и теперь получивший заслуженное признание Родины, заседал в Кремлёвском дворце вместе с лучшими людьми страны, избранниками народа.

